

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Яков Гордин. Свидетель и реальность</i>	5
--	---

Мемуары Питера Генри Брюса, эсквайра, офицера, служившего
в Пруссии, России и Великобритании, содержащие рассказ
о его путешествиях по Германии, России, Татари, Турции,
Вест-Индии и прочее, а также несколько весьма интересных
анекдотов из частной жизни русского царя Петра I

Предуведомление	68
Книга I	69
Книга II	91
Книга III	115
Книга IV	142
Книга V	168
Книга VI	192
Книга VII	224
Книга VIII	244
Книга IX	275
Книга X	305
Книга XI	324
Книга XII	343
Комментарии	374
Указатель имен	433
Список иллюстраций	446

СВИДЕТЕЛЬ И РЕАЛЬНОСТЬ

Артиллерист и военный инженер капитан Питер Генри Брюс (1692–1757) оставил записки, охватывающие сорок лет его активной жизни, тринадцать из которых — 1711–1724 гг. — он провел в России, в важнейший период окончательного становления имперской системы Петра Великого. Неизвестно, сам ли он придумал название своему повествованию (оно было издано уже после его смерти), но оно дает полное представление о содержании записок: «Мемуары Питера Генри Брюса, эскайдера, офицера, служившего в Пруссии, России и Великобритании, содержащие рассказ о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии и прочее, а также несколько весьма интересных анекдотов из частной жизни русского царя Петра I».

Записки, как увидит читатель, обрываются внезапно, хотя после их окончания он прожил еще немало лет и за два года до смерти перевел свой труд с немецкого, который считал родным языком, поскольку родился и вырос в Пруссии, на английский. Он не успел при жизни издать записки или же не считал их законченными, Они были переданы книгоиздателям его вдовой только через четверть века и вышли первым английским изданием в Лондоне в 1782 г., на следующий год в Дублине и в 1784 г. в Лейпциге в переводе на немецкий¹.

Мемуары имели успех у читателей. Автор разгромной и малограмотной рецензии, опубликованной через десять лет после выхода лондонского издания, сокрушался: «Ужасно наблюдать, как книга, полная такой чепухи, широко продается и принята в некоторые из лучших библиотек»². Однако в профессиональной среде — литературных

¹ *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer, in the services of Prussia, Russia, and Great Britain. Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, &c., as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I, of Russia.* London, 1782; Dublin, 1783; *Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officiers in Preußischen, Russischen und Großbritannienischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Rußland, die Tartarey, Türkei, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Rußland.* Aus dem Englischen übersetzt. Leipzig, 1784.

² *The Bee, or Literary Weekly Intelligencer.* 1791. August 17. P. 206.

критиков и историков — их судьба была не просто менее благополучна, но, можно сказать, драматична. Причиной тому были жанровые особенности записок, о которых мы скажем в свое время.

Брюс прожил жизнь многообразную, насыщенную сильными впечатлениями, и вполне понятно его желание рассказать о том, как он прошел этот опасный путь. Сам он в предисловии объяснил свои побудительные мотивы: «Следующие записки были первоначально написаны мною на немецком, родном для меня языке, но, поскольку в последнее время, будучи в отставке, мне довелось наслаждаться покойной деревенской жизнью, я перевел их на английский (иностранный для меня) язык в нынешнем 1755 году, чтобы доставить развлечение своим друзьям и дать необходимые сведения моей семье о наших родственных связях в Германии, а также об особенностях военной жизни, проведенной мною в течение нескольких лет в различных частях земного шара»³. Есть, однако, основания считать, что капитан Брюс слишком скромно определил свою задачу. Если его юношеские впечатления о событиях Войны за испанское наследство, в сражениях которой он в качестве прусского офицера принимал деятельное участие, не стали сколько-нибудь значимым вкладом в военную историю Европы, то тринадцатилетнее пребывание в России в бурную эпоху Петровских реформ (или «революции Петра», если воспользоваться выражением Пушкина) предоставило ему возможность рассказать «городу и миру» о том, как на его глазах и при его участии возникала некая новая реальность. Другое дело — как он этой возможностью воспользовался.

Для нас важен именно этот период — с 1711 по 1724 г., когда Брюс по воле обстоятельств мог близко наблюдать и самого царя Петра, и многие роковые события в жизни рождающегося государства.

Записки Брюса появились в России вскоре после обнародования. Их цитировал Иван Иванович Голиков, выпустивший в 1780-е гг. двенадцатитомное сочинение «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России». В 1790-е гг. он дополнил его еще восемнадцатью томами. Это, по существу, был гигантский свод исторических материалов, без всякого концептуального стержня. Пушкин использовал голиковское издание как фактологическую основу для своей будущей «Истории

³ См. с. 69 настоящего издания. Далее ссылки на него в предисловии даются в скобках в тексте.

Петра», существенно расширив при этом круг источников и глубоко осмыслив материал.

Голиков использовал сведения Брюса при описании наиболее опасного для историка эпизода петровского царствования — убийства царевича Алексея Петровича. О книге Брюса Пушкин узнал из Голикова, но позже, в период работы над своей «Историей Петра», он и сам стал обладателем записок.

Кроме разнообразных письменных источников Пушкин использовал «источники» иного рода — людей, обладавших важными для него сведениями в разных областях. Одним из таких «источников» был военный инженер, шотландец Александр Яковлевич Вильсон, привезенный в Россию восьмилетним мальчиком в 1784 г. своим отцом, мастером кузнечного дела. Вильсон был талантливым инженером, и российская промышленность многим ему обязана в разных областях. В 1835 г. он послал Пушкину некоторые материалы по истории промышленности в Петровскую эпоху, а кроме того, труд своего соотечественника. 16 декабря 1835 г. он писал Пушкину: «Вместе с сим получить изволи-те Записки капитана Брюса, в которых найдете много любопытства достойного»⁴. Без сомнения, «любопытства достойна» была прежде всего версия убийства царевича Алексея Петровича, которую предлагал Брюс как очевидец. Из различных существовавших версий Пушкин выбрал, как увидим, версию Брюса.

Пушкин в достаточной степени владел английским, чтобы на нем читать. И. Фейнберг приводит расшифрованный им фрагмент дневника Д.Е. Келлера, где тот рассказывает о разговоре с Пушкиным: «Он раскрыл мне страницу английской книги, записок Брюса о Петре Великом, в которой упоминается об отраве царе[вича] Алексея Петровича, приговаривая: “Вот как тогда дела делались. Я сам читаю теперь эту книгу, но потом, если желаете ее вам пришлю”»⁵. Пушкин прочитал во всяком случае часть записок, которая была посвящена пребыванию Брюса в России. Свидетельством тому, как мы увидим, использование Пушкиным важных и выразительных деталей, почерпнутых у шотландца.

В своем капитальном труде «История царствования Петра Великого», первой научной истории петровского царствования, Н.Г. Устрялов

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 67.

⁵ Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 114.

во введении дал обширный и тщательный обзор источников, в том числе и записок иностранцев. Страницы этого обзора, посвященные запискам Брюса, весьма любопытны по своей структуре. Устрялов, добросовестный ученый, прежде всего знакомит читателя с содержанием источника (судя по библиографической сноске, Устрялов был знаком и с английским, и с немецким вариантом записок):

Генрих Брюс, по словам его записок, происходил от той же шотландской фамилии, к которой принадлежал и славный сподвижник Петра, первый русский генерал-фельдцейхмейстер. Два близких родственника, Яков Брюс и Иоанн Брюс, имевшие поместья в шотландском графстве Стирлинг, во времена Кромвеля, решились вместе удалиться из отечества в Германию, но, по недоразумению, сели на разные корабли. Яков попал в Россию, Иоанн в Кенигсберг. Внуком первого был генерал-фельдцейхмейстер, внуком второго Генрих Брюс, автор изданных под его именем записок. Он родился в Бранденбургии в 1692 году, 14 лет поступил в Прусский полк, участвовал во многих походах против французов, дослужился под начальством Мальбруга до офицерского чина и в начале 1711 года, по приглашению своего родственника, начальствовавшего русскою артиллериею, поступил в русскую службу, в то самое время, когда Петр шел с армиею на турок. Брюс был представлен ему в Яворове и, принятый с чином капитана артиллерии, назначен в команду родственника своего, возведенного в Яворове в звание генерал-фельдцейхмейстера, по случаю совершившегося там тайного бракосочетания Петра с Екатериною. Автор был в Прутском походе; по заключению же мира на возвратном пути отправляем Петром с важным поручением к барону Шафирову. В начале августа он настиг русского посланника в Адрианополе, вместе с ним прибыл в Царьград, дождался там, после многих колебаний Порты между миром и войною, окончательного подтверждения султаном мирного трактата и с этой радостною вестью отправлен был Шафировым в С.Петербург. Он с равным любопытством смотрел и на старую, и на новую столицу Петра, наблюдая нравы и образ жизни народа, познакомился со многими из сподвижников Петровых, разведал о роде царицы Екатерины, князя Меншикова, и знал коротко царевича Алексея Петровича. Из Петербурга он послан был в Берлин к королю Прусскому, был с Петром Великим в Копенгагене, вслед за ним возвратился в Россию и, поступив в адъютанты генерала Вейде, находился с ним при кончине царевича

Алексея Петровича. В следующих годах он был назначен в число наставников к сыну царевича, великому князю Петру Алексеевичу, и ежедневно преподавал ему артиллерию и фортификацию; между тем, по смерти Вейде царь перевел его в собственную дивизию и поручил ему главный надзор над укреплениями Ревеля; отсюда он поступил в отряд генерала Леси и участвовал в разорении Швеции, принудившем ее к миру. Впоследствии он был с Петром Великим на Кавказе, возвратившись из похода, по царскому повелению, осмотрел берега Каспийского моря, описал их и составил им подробную карту; на обратном пути в Москву он участвовал в экспедиции Волинского против калмыков. Государь милостиво принял поднесенную им карту Каспийского моря и назначил его состоять при особе герцога Голштинского, в бытность его в Москве во время коронации императрицы Екатерины; но русская служба ему уже наскучила: он получил увольнение с тем же чином капитана и удалился в Шотландию, откуда отправился в Вест-Индию, построил там несколько крепостей, подвергся многим опасностям, в 1745 году возвратился на родину и лет чрез 12 умер⁶.

Устрялов довольно точно изложил основное содержание записок. Правда, чем ближе к финалу, тем приблизительнонее становится его пересказ. Так, Брюсу было отказано в увольнении, что было характерно для нравов российских властей. И армейское командование, и сам царь старались закрепить ценные кадры. Другой шотландец, знаменитый генерал Патрик Гордон так и не получил отставки, а когда в качестве компромисса был отпущен в отпуск на родину, то в качестве заложников остались в России его жена и дети. Правда, это было еще во времена владычества Софьи.

В отличие от Гордона у Брюса заложников не оставалось, и он из отпуска не вернулся. В Вест-Индии построил он не несколько крепостей, а два форта, на одном из которых, на острове Провиденс, по сию пору красуется доска, возвещающая, что форт построен капитаном Питером Генри Брюсом в 1742 г.

Устрялову явно не было интересно то, что происходило за пределами российского периода. Последний эпизод записок — участие Брюса в подавлении мятежа якобитов в 1745 г. — он вообще опустил.

⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1856. Т. 1. С. CLXVIII.

Но главное не это. Академической выучки историк Устрялов применил в этом случае своеобразный прием критики источника. Подробно пересказав содержание источника, он затем принялся сурово опровергать его пункт за пунктом:

Все замечательные случаи 40-летней службы в Европе и в Америке, что делал и видел капитан Брюс в разных странах света, записано день за днем в виде журнала, с такими мелкими подробностями, что издатель его не счел нужным приводить в доказательство подлинности записок Брюса других свидетельств, кроме самого содержания их, и многие писатели, например Кокс, Сегюр, ссылались на них, как на показания очевидца, не подлежащие никакому сомнению. Но тщательная проверка их актами ведет к другому заключению. Непостижимо, каким образом автор, записывая все обстоятельства своей жизни день за день, мог ошибиться целыми месяцами в событиях, в которых он сам участвовал: так, в самом начале службы своей в России, посланный по заключению Прутского мира к барону Шафирову, он настиг русского посла, по словам записок, в Адрианополе 2 августа, между тем из актов видно, что Шафиров был в это время еще на берегах Днестра и прибыл в Адрианополь не прежде 21 октября. Подобная несообразность встречается во многих показаниях Брюса, и ее никак нельзя отнести к опечаткам.

Еще труднее понять, каким образом автор мог забывать многие обстоятельства, очень для него памятные: он говорит, например, что генерал Брюс, пригласивший его в русскую службу, пожалован генерал-фельдцейхмейстером в Яворове в конце апреля 1711 г., по случаю тайного брака Петра с Екатериною, в самом начале Турецкого похода; из актов же видно, что Брюс получил звание генерал-фельдцейхмейстера по окончании похода, на возвратном пути, именно 3 августа. Положим, что автор в этом и во множестве других важных для него случаях перепутал дни и месяцы за давностью лет (хотя трудно тому поверить, потому, что сочинение это имеет форму *ежедневной* записки); но чем изъяснить другое важное обстоятельство: совершенное молчание наших актов о службе капитана Брюса в России, между тем как сохранились документы о других лицах, не исполнявших таких важных поручений, как он.

Имени его не находим ни в свите Шафирова, состав которой подробно известен, ни в числе наставников великого князя Петра

Алексеевича, которые тоже известны наперечет, ни в отряде Лесли, ни в Персидском походе, ни в Каспийской экспедиции, которой вовсе не было в 1723 г., ни в свите герцога Голштинского. Решительное молчание наших актов о капитане Брюсе дает повод к сомнению, был ли он когда-нибудь в России.

Но если это обстоятельство со временем и подтвердилось каким-нибудь свидетельством нам неизвестным, то и в таком случае записки Брюса, наполненные множеством несообразностей, могут иметь только самый слабый авторитет при исследовании вопросов важных, не разрешаемых другими, более достоверными свидетельствами, например о кончине царевича Алексея Петровича⁷.

Надо отдать должное предусмотрительности Устрялова: он сделал очень существенную оговорку относительно свидетельств пребывания Брюса в России, которые могут появиться со временем. Как мы увидим, такие свидетельства появились, и многолетняя служба капитана Брюса при Петре сомнений не вызывает, будучи задокументированной.

Устрялову достало и научной основательности, чтобы определить главное, что может привлечь исследователей к этим запискам, — обстоятельства гибели царевича Алексея Петровича. Хотя их описание занимает у Брюса всего две страницы из многих сотен.

В шестом томе своего труда, целиком посвященном «делу царевича», Устрялов снова возвращается к тезису о недостоверности записок, причем, что важно, объединяет их при этом с другим документом, описывающим гибель Алексея, документом, вызвавшим многолетние дискуссии: «Генрих Брюс и Александр Румянцев, по словам приписываемых им сочинений, находились также в крепости, в том каземате, где умер царевич: первый свидетельствует, что ему дан был яд; второй, что он задушен в постели подушками. Оба показания равно не заслуживают вероятия: мнимый Генрих Брюс никогда не был в России, как можно убедиться из нашего обозрения изданных под его именем Записок: по всей вероятности, они составлены смышленным книгопродавцем»⁸.

Сомнения Устрялова понятны, но предположение о «смышленном книгопродавце» не делает ему чести. Серьезный историк, хорошо знакомый с содержанием записок, он мог бы сообразить — насколько

⁷ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. С. LXX–LXXI.

⁸ Устрялов Н. Г. Указ. соч. СПб., 1859. Т. 6. С. 297.

реально создание подобной мистификации. Ведь если предположить, что эти мемуары — подделка, созданная с корыстными целями, то мы должны признать, что книгопродавец этот должен был обладать фантастическим трудолюбием и умением работать с самыми разнообразными источниками. Для того чтобы «составить» сочинение «мнимого Генриха Брюса», ему пришлось бы изучить огромное количество материала, касающегося России — ее истории, политической жизни при Петре, многочисленных реальных участников этой жизни, ее природы, ее топографии, народов, ее населяющих, со всеми особенностями их быта. Не говоря уже о том, что этот смышленный господин должен был обладать сильной творческой фантазией, поскольку многие не вызывающие сомнения эпизоды, например Персидского похода, которые описывает Брюс, ни в каких источниках больше не встречаются, а если и встречаются, то эти источники не могли быть ему доступны.

Военный инженер Брюс, по его утверждению, был направлен Петром для картографирования берегов Каспийского моря. Брюс подробнейшим образом описывает это плавание — особенности климата, природу побережья, тяготы, с которыми пришлось столкнуться ему и его подчиненным. Крайне трудно предположить, чтобы лондонский издатель при всей его смышленности мог это придумать. «Описание Каспийского моря» Федора Соймонова, вышедшее в 1763 г. в России, вряд ли было ему доступно. Но даже если предположить, что это произошло, то подобное предположение ничего не объясняет — свидетельства Брюса и Соймонова, равно как и обстоятельства их плаваний, отнюдь не идентичны.

Каспий привлекал путешественников с античных времен, карты моря составляли Герберштейн и Олеарий, но никакого отношения к подробному бытовому описанию Брюса труды его предшественников не имеют.

Брюс подробнейшим образом описал быт русской армии, сплавлявшейся по Волге к Астрахани в 1722 г. Ни в одном источнике бытовые обстоятельства этого похода не описаны столь подробно и конкретно. Так, его поразило обилие в Волге разнообразной рыбы, и он делится наблюдениями касательно способов рыбной ловли (см. с. 230). Множество подробностей как пейзажей и топографии волжских берегов, так и быта прибрежных народов делают текст Брюса вполне достоверным.

Мнение Устрялова приняли на веру такие серьезные исследователи, как Н. Я. Эйдельман, отнюдь не отличавшийся научной доверчивостью,

и И. Л. Фейнберг. Последний, сумев, как мы знаем, прочитав ранее нечитаемый текст в дневнике пушкинского знакомого Д. Е. Келлера, доказал, что Пушкин внимательно читал книгу Брюса, но при этом сделал решительное заявление: «Достоверность сведений о России, сообщаемых в ней, давно взята под сомнение русскими исследователями исторических источников петровского времени»⁹. Разумеется, после такого приговора сведения Брюса, приводимые Пушкиным, обесценивались. Пушкин между тем Брюсу доверял и был прав. Менее подготовленный как историк в профессиональном смысле, он далеко превосходил Устрялова историческим чутьем, что иногда оказывается более плодотворным, чем академические навыки.

Единственным трудно опровергаемым аргументом Устрялова являлось отмеченное им отсутствие упоминаний о Брюсе в официальных документах, что и в самом деле странно, когда речь идет об офицере, много лет прослужившем в русской армии. Но предусмотрительная оговорка Устрялова относительно возможного появления подобных документальных свидетельств оказалась разумной. В 2015 г. историк-архивист К. В. Татарников выпустил в высшей степени ценное издание «Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия», которое включает «сказку» Брюса «Андрея Яковлева сына»:

1721-го [году] генваря 20 дня Астраханского пехотного полку капитан Андрей Брюс сказал:

Родился я в Бранденбургской земле, и в прошлом 1706-м году, егда полки Королевского Величества прусского были в Брабандии, тогда написан я, нижеименованный, в солдаты в Аренский полк. А в 707-м году написан в сержанты, и по оному чину был на баталии под Оудинард во облажении Лилля, Дуэ и Турноу. А в 709-м году пожалован в прапорщики, и в поручики в том же году, и оным чином был во облажении под Бетюи, Эр и Заитфонант, и на баталии под Малплакет. А в 711-м году от оного полку абшид взял как капитан, и того же году по письму его превосходительства господина генерала-фельдцейхмейстера и кавалера Брюса прибыл в войско Его царского Величества, и был на баталии Турцкой под Прутом яко волентер, и при помянутом генерале-фельдцейхмейстере был до 716-го году. А в 716 году августа 24 дня был в кампании при Копенгагене при его сиятельстве господине генерал-фельдмаршале

⁹ Фейнберг И. Указ. соч. С. 113.

графе Шереметеве как флигель-адъютант, а по окончании оной кампании в декабре определен я к его превосходительству господину генералу и кавалеру Вейде флигель-адъютантом в ранге капитанском, как моя капитуляция значит, и был флигель-адъютантом до смерти помянутого господина генерала. А после смерти реченного генерала, по указу из Государственной Военной Коллегии в 30 день июля прошлого 720 году определен я в Астраханский пехотный полк тем же капитанским чином. А Его Царского Величества денежное жалования получал я, как в адъютантах будучи, такмо и ныне в полку по осьмнадцати рублей на месяц.

А каков я абшид прусский имею, також и капитуляцию, по которой принят в русскую службу, и с оных, как с абшита, тако и с капитуляции, взяты у меня в Государственную Военную коллегияу копии в то время, когда я определен в Астраханский полк. Peter Heinrich Bruce¹⁰.

Если все предшествующие доказательства пребывания Брюса в России, при всей их убедительности, можно считать косвенными, то публикация К.В. Татарникова благополучно завершает полуторастолетний спор. Названные Брюсом документы, скорее всего, можно обнаружить в фонде указанного им ведомства.

Ясно, что ни Устрялов, ни кто-либо другой не занимались специально поисками документов Брюса. Равно как ни Эйдельман, ни Фейнберг не читали записки Брюса, доверившись Устрялову.

Тем не менее фрагменты записок Брюса были введены в оборот рядом современных историков. Первая по времени значительная публикация была сделана в 1991 г. Ю.Н. Беспятых¹¹. В 2001 г. С.В. Ефимов и Н.Ю. Павлова опубликовали некоторое количество фрагментов записок, преимущественно посвященных быту России тех лет¹².

¹⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: сборник документов: В 2 т. / Сост., вступ. статья, оформление К.В. Татарникова. М., 2015. Т. 1. С. 1261. «Сказка» хранится в РГВИА (Ф. 490. Оп. 2. Д. 47. Л. 85–85 об.). Приношу искреннюю благодарность О.Я. Ноздрину за указание на публикацию этого важнейшего документа, позволяющего по-новому оценить всю ситуацию вокруг записок Брюса.

¹¹ Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 162–186.

¹² Шотландец в России: (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эскавайра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...») / Публ. С.В. Ефимов, Н.Ю. Павлова // Ораниенбаумские чтения: сборник научных статей и публикаций / Сост. и отв. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 203–237.

В 2008 г. исследователь британской мемуаристики о Петре I Е.Е. Дмитриев опубликовал важную для понимания ценности записок Брюса статью «О британских источниках версии “отравления” царевича Алексея Петровича»¹³. Сам факт публикации представительных фрагментов записок Брюса, введение этого источника в научный оборот безусловно ценны, однако при этом необходимо учитывать особенности источника, существенно отличающегося по своему жанру от большинства известных свидетельств иностранцев об эпохе Петра I.

Устрялова, как мы помним, смущали частые ошибки в хронологии, которые допускал Брюс. Но, как мы увидим, Устрялов радикально ошибся в определении жанра источника, и это существенно снижает убедительность его критики. Прежде всего, необходимо отметить заявление Устрялова, балансирующее на грани откровенной подтасовки: «...что делал и видел капитан Брюс в разных странах света, записано день за днем в виде журнала». Ничего общего с журналом, то есть дневником и записями «день за днем», сочинение Брюса не имеет.

Судя по обилию конкретных выразительных наблюдений над жизнью различных групп населения России, память у Брюса была весьма цепкой. Но при любом качестве памяти восстановить через десятилетия множество дат, не имея регулярных записей, чрезвычайно проблематично. И когда некоторые группы событий были явно зафиксированы у автора записок в записях, даже отрывочных, то хронология достаточно точна, а в тех случаях, когда он, не имея такой опоры, полагался исключительно на свою память, происходила неизбежная путаница.

Но записки Брюса ставят перед нами вопросы более сложные, чем проверка хронологии. Отношение публикаторов к текстам Брюса иногда оказывается основанным на недоразумении — далеко не безобидном. С.В. Ефимов и Н.Ю. Павлова пишут в предисловии к своей публикации: «Автор многотомной “Истории царствования Петра Великого” академик Н.Г. Устрялов считал П.Г. Брюса “наиболее замечательным иностранцем, служившим в России и писавшим о Петре Великом по возвращении в отечество”»¹⁴. Д.Ю. Гузевич и И.Д. Гузевич комментируют

¹³ Дмитриев Е.Е. О британских источниках версии «отравления» царевича Алексея Петровича // Историографический сборник: межведомственный сборник научных трудов. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 20–25.

¹⁴ Ориенинбаумские чтения. Вып. 1. С. 203.

это заявление: «При характеристике Брюса ряд авторов (Ю. Н. Беспятых, С. В. Ефимов, Н. Ю. Павлова) предпочитают останавливаться на фразе Н. Устрялова: “В числе иноземцев, служивших в России и писавших о Петре Великом <...> наиболее замечательны <...> и капитан Брюс”, а не на его же указаниях о недостоверности мемуаров этого артиллерийского капитана. Обе фразы воедино свел Е. Е. Дмитриев: “Позиция самого Устрялова представляется весьма противоречивой: так, сперва он относил П. Г. Брюса, наряду с Дж. Перри и А. Гордоном, к числу «наиболее замечательных иноземцев, служивших в России и писавших о Петре Великом по возвращении в отечество». Затем, не встретив упоминания о капитане Брюсе в известных ему документах петровского времени, Устрялов уже засомневался, был ли тот когда-нибудь в России”.

К глубокому сожалению, проблема не в непоследовательности Устрялова, а в историческом значении слова. Вот что говорит словарь В. Даля: “*Замечательный*, стоящий замечания, примечания, необычный или удивительный”. И только в XX в. появляется значение, которое ему придают упоминаемые нами авторы, но которое никак не мог использовать Устрялов»¹⁵.

В 2011 г. появилась значительная и цельная публикация С. В. Ефимова «Прутский поход 1711 года в воспоминаниях шотландского офицера на русской службе». Публикация столь же важная и полезная, сколь и характерная для установившегося подхода историков к запискам Питера Генри Брюса. В предисловии публикатор пишет: «Один из ценнейших источников из числа немногочисленных свидетельств современников, посвященных этой военной кампании, к сожалению, до настоящего времени оставался практически неизвестным исследователям». С последним утверждением согласиться трудно. Записки Брюса были, как мы уже писали, известны исследователям Петровской эпохи с 1780-х гг. Их внимательно штудировал Пушкин. Их читал и оценивал Н. Г. Устрялов. Другое дело, что с тяжелой руки авторитетного Устрялова достоверность сообщаемых Брюсом сведений подвергалась тотальному, но неоправданному сомнению.

Публикация С. В. Ефимова являет нам яркий пример противоположной тенденции. Он пишет: «Шотландец участвовал в Прутском походе,

¹⁵ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Гибель царевича Алексея Петровича. 24–30 июня 1718 года. Версии, споры, реалии. СПб., 2024. С. 97.

затем был послан Петром к находившемуся в Константинополе с дипломатической миссией П.П. Шафирову. В начале августа 1711 года он догнал в Адрианополе (Эдирне) русского посланника и вместе с ним прибыл в Константинополь (Стамбул). Находясь в турецкой столице во время затянувшихся русско-турецких переговоров, Брюс основательно познакомился с городом, повседневной жизнью турок, их нравами и религией.

После заключения мирного договора капитан был послан с радостной вестью в Санкт-Петербург. Несколько лет П.Г. Брюс провел в петровском «парадизе» на Неве и Москве. Это позволило ему оставить интересные описания старой и новой столиц, а также яркие характеристики многих сподвижников Петра I. <...>. В июне 1718 года П.Г. Брюс охранял арестованного и заключенного в Петропавловскую крепость царевича Алексея и стал невольным очевидцем его смерти»¹⁶. И далее исследователь добросовестно пересказывает содержание записок. За одним исключением. С.В. Ефимов пишет: «Из предисловия издателя можно предположить, что Брюс участвовал в якобитском восстании»¹⁷. Это странное утверждение. Ничего подобного в предисловии нет. Но зато сам Брюс ясно говорит, что он был призван в армию маршала Уэйда.

Джордж Уэйд, фельдмаршал, командовал правительственными войсками, направленными на подавление очередного восстания якобитов, сторонников свергнутой династии Стюартов. Если бы Брюс участвовал в восстании якобитов, то после этого он никак не мог бы спокойно доживать свой век в собственном шотландском имении. В лучшем случае его ждало бы изгнание. Он участвовал в подавлении этого восстания. Тяжелый осенний поход стал причиной того, что Брюс, который перед этим провел несколько лет в жарком климате Вест-Индии, «разрушил», по его выражению, свое здоровье.

С.В. Ефимов по-своему интерпретирует позицию Устрялова: «Историк высказывал сомнение в достоверности излагаемых в “Мемуарах” фактов. Он считал, что они представляют собой “форму ежедневной записки”, а ее автор допускает ряд неточностей и ошибок»¹⁸.

¹⁶ Ефимов С.В. Прутский поход 1711 года в воспоминаниях шотландского офицера на русской службе // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 21.

¹⁸ Там же.

Но Устрялов, как мы знаем, считал, что записки Брюса — подделка, а их автор вообще не бывал в России.

Записки Питера Генри Брюса, безусловно представляющие собой ценный источник, существенно дополняющий наше представление о значительном периоде Петровской эпохи, не нуждаются в подобных способах защиты.

Именно «рутинная критика источника» оказывается в этом случае наиболее плодотворной. То, что Брюс участвовал в Прутском походе, сомнений не вызывает. Он говорит об этом в своей «сказке» и точно обозначает статус — «яко волентер». Но ни слова не говорит о таком ответственном поручении для только что вступившего в русскую службу и не получившего какой-либо должности иноземца, как миссия личного курьера царя «с новейшими инструкциями барону Шафирову». Надо помнить, какое значение придавал Петр этим переговорам. Этой поездке и длительному пребыванию Брюса в столице Османской империи посвящена значительная часть второй книги (главы) записок — вдвое больше, чем описанию самого Прутского похода. Если учесть, что события на Пруте не могли оставить мемуариста равнодушным, поскольку всей русской армии вместе с царем, царицей, генералами и гвардией грозила гибель или плен (соответственно, тогда решалась и судьба самого Брюса), то эта пропорция вызывает по меньшей мере недоумение.

Вышеназванных исследователей эта парадоксальная ситуация не смущает. Но обстоятельства этого события, притом что нам теперь подробно известно прохождение Брюсом службы, заставляют задуматься и внимательно присмотреться к тексту. Это вопрос принципиальный — насколько мы можем полагаться на достоверность сведений, сообщаемых мемуаристом?¹⁹ А эпизод с участием Брюса в посольстве Шафирова настолько выразителен, что дает возможность сделать основополагающие выводы.

В своей «офицерской сказке» Брюс сообщает: «А в 711-м году от оно-го полку абшид взял как капитан, и того же году (конец мая. — Я. Г.) по письму его превосходительства господина фельдцейхмейстера и кавалера Брюса прибыл в войско его царского Величества, и был на баталии

¹⁹ К сожалению, в своей книге «Царь и Бог: Петр Великий и его утопия», недостаточно внимательно проанализировав текст Брюса, я упомянул и его путешествие в Константинополь. Сомнительность этих сведений стала мне понятна после детального знакомства с текстом.

Турецкой под Прутом яко волентер и при помянутом генерале-фельдцейхмейстере был до 716-го году». Но, завершив описание Прутского похода, Брюс пишет: «Теперь наша армия разделилась, и мы выступили по разным направлениям. Царь отправился в Германию, взяв с собою генерала Брюса, но прежде написал новейшие инструкции барону Шафирову и отправил срочным письмом в Константинополь, которое я должен был отвезти» (с. 101). Однако в «офицерской сказке», официальном документе, за содержание которого Брюс отвечал, не только не сказано ничего о поездке в Константинополь и пребывании там, но прямо говорится о том, где в реальности должен был находиться «волентер».

Здесь возникает еще один вопрос конкретно-бюрократического характера. В 1711 г. русская полевая армия была уже достаточно устроена, и сведения о прохождении службы фиксировались с точностью, имевшей значение для будущей карьеры офицера. Между тем Брюс называет свою официальную должность только с августа 1716 г. — флигель-адъютант при фельдмаршале Шереметеве.

При генерал-фельдцейхмейстере Брюсе он просто «был». В каком качестве? А свой чин («в ранге капитанском») обозначает только при переходе флигель-адъютантом к генералу Вейде. Если обратиться к «сказке», то убедимся, что, рассказывая о службе прусского периода, Брюс аккуратно фиксирует свое продвижение в чинах и перечисляет сражения, в которых участвовал. Лакуны появляются, когда речь заходит о российском периоде.

Публикатор этих ценнейших документов пишет в предисловии: «Несмотря на единые для всех требования, сказки довольно существенно различаются от полка к полку. Есть сказки очень короткие, с беглым перечислением дат производства в чины и перечнем сражений, без соблюдения даже хронологической последовательности в отношении последних. Есть, напротив, подробные, где детально расписаны обстоятельства получения каждого чина, приведены любопытнейшие детали отдельных сражений и точные даты событий»²⁰.

Однако при всех несовершенствах составления «сказок» производство в чины и, соответственно, назначения на должности указывались аккуратно. Почему Брюс игнорировал это правило, можно только

²⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. С. 5.

гадать. Остается предположить, что первые пять лет службы капитан Брюс состоял при своем высокопоставленном родственнике без официальной должности как офицер для особых поручений. Что, конечно же, странно. Но это не единственная странность, с которой мы встречаемся, анализируя публикуемые записки.

Если верить документу, то Брюс, состоящий при генерал-фельдцейхмейстере, должен был осенью 1711 г. отправиться со своим патроном в Германию, а не в Константинополь в качестве чрезвычайного курьера. Между тем в записках он утверждает, что отправился вслед за Шафировым вместе с турецким пашой, до того командовавшим отрядом, сопровождавшим отступающую русскую армию, чтобы не допустить нападения крымских татар: «Паша оказывал мне всяческие любезности по дороге в Адрианополь, куда мы прибыли 2 августа. Там мы встретили барона Шафирова и графа Шереметева, который вскоре выехал с нами в Константинополь. 25-го мы прибыли в Константинополь и на некотором расстоянии от города встретились с графом Толстым, нашим послом, который с момента объявления войны был заключен в Семибашенном замке, теперь же его выпустили» (с. 101).

То, что Петр для столь ответственного поручения использовал недавно появившегося в России иностранца, еще не включенного в войсковую систему («волонтер»), само по себе вызывает сомнения. Мы помним, что Устрялов отрицал наличие имени Брюса в списках посольства. Если бы, предположим, он выполнил свою функцию технического курьера и вернулся в Россию, это могло быть некоторым объяснением. Но Брюс утверждает, что остался с Шафировым на много месяцев, то есть стал членом посольства.

Я обратился за консультацией к Т.А. Базаровой, автору монографии «Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и Б.М. Шереметева 1713 г.». Позволю себе процитировать фрагмент ответа: «Я ни в статейных списках, ни в других документах, имеющих отношение к посольству, упоминаний о нем не встречала. И даже в курьерах».

Он пишет, что встретил Шафирова 2 августа, а 25 августа 1711 г. они прибыли в Константинополь, где их встретил освобожденный из тюрьмы Толстой. Это все неверно. Письма в начале августа доставил Шафирову Пискорский. Даже с учетом того, что в мемуарах даты приведены по новому стилю, ничего не сходится. 19 августа турецкое войско

(а с ним Шафиров и Шереметев) находилось у Днестра, а не в Адрианополе. В Адрианополь они приехали в октябре. А в Стамбуле Шафиров оказался только 20 ноября. Толстого выпустили из заключения только после подписания Константинопольского договора 1712 г.

Возможно, все описание турецких событий — это фантазия автора».

Таким образом, имя курьера, посланного в начале августа, — в то самое время, о котором говорит Брюс, — с «новыми инструкциями» Шафирову, нам известно — Пискорский.

В монографии Т.А. Базаровой состав русского посольства — в разные периоды — исследован с абсолютной подробностью: «В июле 1711 г. из русского лагеря для ведения корреспонденции и других канцелярских дел П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву прислали служителей и переводчиков Посольской канцелярии. В османскую столицу также ехали подьячие Ф.А. Сениуков, И.Н. Никифоров, Василий Юрьев, И.В. Небогатый.

Последний был самым сведущим в турецких делах, поскольку ранее несколько лет провел в посольстве П.А. Толстого. В качестве курьеров (“для посылок”) к полномочным министрам отправили М.П. Бестужева-Рюмина и А.П. Волынского <...>. Всего в ноябре 1711 г. в свите П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева в Стамбул прибыли полторы сотни “всякого чина людей”»²¹.

В связи с этим «стамбульским сюжетом» встает несколько вопросов.

Главный: почему в своей «сказке», достаточно подробной, Брюс не упомянул о столь лестном для него поручении царя? Притом что в распоряжении Петра были профессиональные и опытные курьеры.

Подобное отличие должно было отложиться в «офицерской сказке» честолюбивого шотландца. Но он опускает этот яркий эпизод своей службы и сообщает нечто неопределенное: он все это время состоял при генерал-фельдцейхмейстере и по логике событий должен был сопровождать его в Германию. В данном случае подробности, с которыми Брюс описывает быт, нравы турок и сам Константинополь, вызывают не доверие к его запискам, а сомнение. Дело в том, что с момента прибытия в Стамбул весь состав русского посольства был строго изолирован на своем посольском дворе: «В Стамбул полномочных

²¹ Базарова Т.А. Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г. СПб., 2023. С. 8.

министров привезли 20 ноября 1711 г. и сразу же оградил от посторонних контактов, запретив покидать отведенный двор, а также “к ним во двор никого пускать не велели”²². Но тогда придется предположить, что Брюс почему-то оказался на особом положении и подозрительные турки позволяли ему свободно гулять по своей столице (что очень странно) или же что его осведомленность совершенно неправдоподобна.

Брюс не только тщательно описывает сам Константинополь, обозреть который он вряд ли мог в конкретных обстоятельствах, но и скрупулезнейшим образом знакомит читателя с нравами турецких женщин, их нарядами, вплоть до описания застёжек. Если верить этому описанию, то каждая турчанка украшает свой наряд бесчисленными драгоценностями.

Брюс с не меньшей подробностью знакомит читателя с устройством государственной системы и армии, особенностями судопроизводства, пораженного жестокостью и продажностью.

И есть еще одно принципиальное обстоятельство. В конце своего стамбульского повествования Брюс упоминает совершенно реальную и чрезвычайно важную ситуацию. Именно — упоминает.

Одним из условий мирного договора был полный вывод русских войск из Польши. Это ставило под вопрос всю европейскую политику Петра. Польша оказывалась во власти шведского ставленника Станислава Лещинского, сменившего на польском престоле Августа II, союзника Петра. Одним из важных результатов Полтавской победы было возвращение к власти Августа. Вывод русских войск менял ситуацию.

Кроме того, запрет для русских войск появляться в Польше означал разрыв коммуникаций между Россией и русскими частями, действовавшими на территории Германии — в Мекленбурге и Померании.

11 сентября 1712 г. Петр писал из Померании Шафирову и Шереметеву: «Господа послы. Понеже с удивлением уведомились мы из ваших к нам донесений, что прибывший ага из Польши, который послан был к гетману коронному Синявскому, возвратясь в Константинополь, объявил Порте, что будто войск наших в Польше многое еще число обретается, а имянно с сыном нашим у Гданска с двадцать пять тысяч до

²² Базарова Т.А. Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г. С. 9.

будто мы сами с восемнадцатью тысячами намерены вступить в Польшу и путь королю шведскому пресечь, — и то самая неправда <...>²³.

Наличие русских войск в Польше могло быть воспринято в Стамбуле как демонстративное нарушение договора и послужить поводом к новым военным действиям, чего Петр хотел во что бы то ни стало избежать.

Брюс в записках сообщает: «Султан, поддавшись влиянию татарского хана, французского посла господина Дезальера и шведского министра, снова нарушил мир под предлогом того, что в Польше все еще остаются некоторые русские части. Однако, чтобы самому удостовериться, султан отправил в Польшу агу с поручением проверить, есть ли там еще наши войска. И этот ага, также испробовав сладости шведского влияния, составил рапорт соответствующим образом» (с. 113–114). Результатом стало новое объявление войны и приказ посадить русского посла, заложников и всех офицеров посольской свиты в Семибашенный замок.

Для того чтобы быть в курсе этого инцидента, Брюсу не обязательно было находиться в Стамбуле. С немалым успехом он мог узнать все подробности, находясь с генерал-фельдцейхмейстером в ставке Петра в Померании, что в полной мере соответствует содержанию его «офицерской сказки». Создается впечатление, что Брюс лучше знает о том, что происходит в это время в Польше, а не в Турции. Он осведомлен о нападении равского старосты Яна Грудзинского, сторонника короля Станислава Лещинского, на русские войска в Польше и об ответных действиях генерала Боура.

Причем события в Константинополе странным образом оставляют его равнодушным. Между тем в турецкой столице шла — на глазах у Брюса? — напряженная и смертельно опасная для них борьба русских послов за приемлемый для Петра вариант мирного договора. Причем фон этой дипломатической борьбы был зловещим. 14 декабря 1711 г. на площади перед дворцом султана были публично казнены участники переговоров на Пруте, сотрудники низвергнутого великого визиря Балтаджи-Мехмеда-паши.

Всем многомесячным драматическим событиям, когда русское посольство находилось во власти безжалостного деспота, многосложной

²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. 12. Вып. 2. С. 130.

деятельности Шафирова и его помощников, свидетелем чего Брюс, по его утверждению, был, он посвятил не больше одной страницы. Краткий и путаный рассказ никак не соответствует значимости происходящего. То, что бегло предлагает читателю автор записок, — бледные отзвуки реальных событий. При этом, как мы знаем, он подробнейшим образом описывает женские и мужские наряды и экзотический домашний быт турок...

Потрясающие события, которые этот неглупый и наблюдательный человек должен был зафиксировать, он полностью игнорирует. И это, кстати говоря, категорически опровергает утверждение Устрялова, что записки Брюса представляют из себя «журнал», то есть дневник, который он вел «день за днем». Он пишет, что многими из этих сведений он обязан расположению к нему паши, который командовал войсками, охранявшими отступающую русскую армию от нападений крымских татар. Возникает вопрос: на каком языке Брюс вел длительные и обстоятельные беседы с турецким военачальником? Маловероятно, что у него была возможность пользоваться услугами переводчика. Не говоря уже о том, что паша, на котором лежала огромная ответственность, должен был найти время для многочасовых бесед на этнографические темы с офицером русской армии, которого он в первый раз увидел.

Надо сказать, что капитан Брюс предстает перед читателем человеком обаятельным и контактным, с легкостью вступающим в дружеские отношения с самыми разными персонажами — от российских чиновников разных рангов до итальянца-капуцина, сплавляющегося по Волге вместе с русской армией в Астрахань. Но доверительные отношения с турецким пашой вызывают тем не менее серьезные сомнения. Как, впрочем, и весь «стамбульский сюжет», по объему превышающий повествование о самом Прутском походе. Есть достаточные основания согласиться с Т.А. Базаровой, предположившей, что рассказ о путешествии в Константинополь в качестве личного курьера Петра не более чем фантазия мемуариста, который решил украсить свое повествование живописным рассказом. Но тогда остается вопрос: у кого из европейских путешественников мог заимствовать Брюс сведения о Константинополе — вплоть до подробностей, которые не доверяют офицерам противника: «На краю порта расположен большой арсенал, занимающий значительный участок земли и содержащий оружие на 60 000 человек» (с. 105)?

Столь подробный анализ «стамбульского сюжета» был необходим, поскольку позволяет сделать принципиальный вывод: Брюс, выбрав жанр свободного повествования, а отнюдь не дневника в точном смысле и не строгих мемуаров, где автор выступает в качестве единственного свидетеля, честно фиксирующего собственные впечатления, считает естественным привлекать, не ссылаясь, свидетельства современников, ему доступные.

Встает проблема источника, которым воспользовался Брюс. Вызывает удивление, что Брюс, военный профессионал, довольно бегло описал драматические события на Пруте, когда он вместе со всей русской армией мог оказаться в турецком плену или погибнуть. Притом что, повторим, Брюс без сомнений был участником похода. Скажем, бригадир Моро де Бразе, автор записок о Прутском походе, переведенных и опубликованных Пушкиным, рассказывает о тех же событиях куда более подробно и точно.

В самом же описании военных действий на Пруте есть неточности, которые можно объяснить давностью событий. Например, Брюс называет командиром пятой дивизии генерала Ренцеля. Но генерал-лейтенант Самуил де Ренцель, отличавшийся высоким профессионализмом и отчаянной храбростью, умер еще в 1710 г. Некоторые утверждения автора записок имеют более принципиальный характер, например: «На другой стороне реки напротив нас стояли крымские татары, там же шведский король разбил свою палатку, чтобы наблюдать за передвижениями нашей армии» (с. 98). Это утверждение столь же ответственное, сколь и неверное. Можно с уверенностью сказать, что если бы Карл XII на самом деле находился непосредственно на театре военных действий, то ситуация развивалась бы совершенно не так, как это произошло в действительности. Известно, что лагерь Карла находился в Бендерах — более чем в ста километрах от поля сражения. Если бы шведский король находился на Пруте в решающие часы, он, возможно, не допустил бы тяжелого, но спасительного для русской армии исхода переговоров.

При этом у Брюса присутствует яркий эпизод, который затем воспроизвел Пушкин в своей «Истории Петра». Речь идет о тщетной попытке прискакавшего на Прут Карла убедить великого визиря отказаться от заключенного уже договора с русскими и постараться захватить в плен самого царя: «Король посмотрел прямо в лицо великому визирю

и расхохотался, ничего не ответив. Но, удаляясь, так резко развернулся, что разорвал одежды визиря своею шпорою» (с. 100). Маловероятно, чтобы эта сцена стала известна Брюсу еще во время Прутской кампании. Никого из русских не было и не могло быть в шатре визиря. Скорее всего, он заимствовал ее у Вольтера, выпустившего в 1739 г. «Историю Карла XII». Там сказано: «Он [Карл XII] бросился на диван и, с возмущением и гневом глядя на визиря, протянул к нему ногу, шпора короля зацепилась за одеяние турка и разорвала оное. Затем Карл резко встал и с отчаянием в сердце ускакал обратно в Бендеры»²⁴.

Затем, в «Истории Российской империи в царствование Петра Великого», вышедшей в 1759 г., Вольтер представил эпизод несколько иначе: «Карл от сего путешествия (то есть от бешеной скачки от Бендер на Прут. — Я. Г.) получил только то, что разорвал шпорами одежду великого визиря, который мог бы заставить его раскаяться, но притворился, будто не приметил»²⁵. Правда, эта ситуация у Брюса выглядит существенно иначе: Карл по-иному реагирует на поведение великого визиря, и если у Вольтера он демонстративно рвет одежду турка, то у Брюса это происходит как бы случайно. Но эту трансформацию можно отнести на счет литературных претензий автора записок. Он вообще склонен в той или иной степени трансформировать заимствования из разных источников.

Пушкин, который при описании прутской драмы суммировал несколько источников, представил эту сцену более развернуто: «Карл громко выговаривал ему [великому визирю], как смел он без его ведома кончить войну, начатую за него; турок отвечал, что войну вел он и кончил для пользы султана. Карл требовал от него войска, обещая русских разбить, и теперь визирь отвечал: “Ты уже их испытал, и мы их знаем. Коли хочешь, нападай на них со своими людьми, а мы заключенного мира не нарушим”. Карл разорвал шпорою платье хладнокровного турка, поскакал к кр[ымскому] хану, а оттуда в Бендеры»²⁶.

Некоторые выразительные детали, приведенные Брюсом, имеются и в свидетельствах других источников.

²⁴ Вольтер. История Карла XII. СПб., 1999. С. 169.

²⁵ Он же. История Российской империи в царствование Петра Великого. СПб., 2012. С. 204.

²⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1938. Т. 10. С. 167.

Брюс: «В тот день нам встретился огромный рой саранчи, который, поднявшись, накрыл всю армию, словно облаком. Саранча уничтожила не только траву на полях, но и нежную кору и листья на деревьях. Здесь из-за нехватки фуража мы снова потеряли несколько обозных животных. Поразительно, что саранча все время следовала за нашей армией. Как только мы устанавливали палатки, она опускалась, накрывая весь лагерь. Мы пытались прогнать ее выстрелом из пушки и оружия малого калибра, жгли на земле дорожки из пороха, но все напрасно. Саранча летела с нами, пока мы шли вдоль реки...» (с. 97).

Моро де Бразе тоже вспоминает это поражающее европейца явление степной природы: «Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков [саранчу]. Воздух был ими омрачен, так густо летали они. Не удивлюсь, что они разоряют землю, через которую пролетают <...>»²⁷. Эпизод с саранчой — прекрасная иллюстрация разницы стилей этих двух мемуаристов. Моро де Бразе, ориентированный на значительность событий и свою роль в них, в двух фразах фиксирует появление «летучих кузнечиков». Брюс, как видим, предлагает читателю куда более подробный сюжет.

Записки Брюса имеют одну принципиальную особенность. Он явно не претендует на подробное и адекватное их масштабу описание крупных исторических событий. Его внимание сосредоточено на деталях быта, поступках конкретных людей, на что обратил внимание Устрялов. Он с удовольствием иногда пересказывает совершенно абсурдные слухи, касающиеся биографий крупных персон, доверчиво передает недостоверные мифы о жизни Марты Скавронской, будущей русской императрицы, или Александра Меншикова. Он явно не выдумывает эти истории, но фиксирует услышанные им рассказы своих русских знакомцев.

В предупреждении для читателя он ведь и сказал, что намерен поделиться подробностями из жизни царя Петра. Это, однако, вовсе не значит, что записки Брюса не являются важным историческим источником. Но источник этот своеобразен. В отличие от записок о России европейских дипломатов, то есть людей с государственным взглядом и соответствующими задачами (например, Иоганна Георга Корба или Фридриха-Христиана Вебера), взгляд Брюса — взгляд частного человека. И дело не в статусе мемуаристов. Положение флигель-адъютанта при

²⁷ Там же. С. 315.

персонах первого ряда, постоянно находящихся поблизости от государства, то есть в сфере принятия решений, давало возможность наблюдать ход исторического процесса в его реальном масштабе. Но при чтении записок Брюса создается впечатление, что исторический процесс интересует его гораздо меньше течения повседневной жизни. Хотя все, о чем повествует Брюс, происходит на фоне фиксируемых им политических и военных событий, но это именно фон.

О заимствованиях, которые Брюс практиковал, мы еще будем говорить. А сейчас имеет смысл обратить внимание на характер и смысл неточностей, которые допускает он в описании важных событий и которые не могут объясняться прорехами памяти.

Рассмотрим проблему на конкретном примере.

Описывая атаки турок на русский лагерь, Брюс пишет: «Нам повезло, что у неприятеля пушек не было, их артиллерия еще не подошла» (с. 98). И в самом деле, первый самый яростный и опасный натиск янычар русская армия героически отбила. В эти часы у турок действительно еще не было артиллерии, и они не могли поддержать атаку огнем многочисленных орудий. Но к концу боя, когда атака захлебнулась, турки артиллерию подтянули, и в последующем она интенсивно обстреливала русский лагерь, нанося серьезный ущерб. Между тем по небрежному упоминанию об отсутствии у противника артиллерии можно сделать вывод, что ее и вообще не было.

Одной из двух военных профессий капитана Брюса было именно артиллерийское дело. И он, достаточно опытный к тому времени офицер, прекрасно понимал роль артиллерии в той кровавой драме, которая разыгрывалась при его участии на берегах Прута в течение двух страшных суток. Но то, с чем мы в данном случае имеем дело, вряд ли небрежность. Это установка, характеризующая выбранный автором записок способ воспроизведения им виденного.

Бригадир Моро де Бразе разворачивает подробную картину боевых действий во всей их напряженности и при этом решает важную для него задачу — объяснить европейскому читателю, что русская армия держится исключительно на наемных генералах и офицерах. Его записки резко тенденциозны, и себя он тоже отнюдь не забывает.

Брюс достаточно бегло рассказывает о боевых действиях, результатом которых могла быть и его собственная гибель. Мы вообще не знаем, чем он занимался в эти роковые дни. Его патрон, Яков Брюс,

командовал артиллерией, которая и спасла русскую армию. Плохо верится, что, будучи артиллеристом, автор мемуаров не принимал никакого участия в боях.

Прутский поход, событие огромного масштаба, стал для него главным образом поводом для увлекательного повествования о Константинополе и турецкой экзотике.

Для того чтобы оценить записки Брюса как источник, необходимо с возможной точностью определить выбранный им жанр. Устрялов в своей критике записок совершил принципиальную ошибку, оценивая текст Брюса как дневник в точном смысле термина. Между тем сам Брюс в начале предисловия ясно говорит, что пишет записки, а не публикует дневник. Вообще не нужно слишком доверять терминологии, которую употребляют авторы источников. «Дневник» Берхгольца, камер-юнкера герцога Голштинского, который молодой человек вел с 1721 по 1725 г., это дневник в точном смысле слова. Берхголец старательно записывал все, что происходило в тот или иной день. Записки Фридриха-Христиана Вебера, ганноверского резидента при русском дворе, это дневник, но отредактированный автором, нарушавшим хронологию ради смысла. Так, в записи под 10 сентября 1715 г., рассказывая о намерении Петра отправить в Испанию для налаживания экономических связей Александра Кикина, Вебер сообщает, что проект не был осуществлен, так как Кикин был казнен в 1718 г. То есть мы имеем дело с хорошо структурированным хронологически текстом, который в то же время и не совсем дневник.

Записки Брюса если структурированы, то весьма условно. Датированные события перемежаются обширными экскурсами в область русского быта, пересказом исторических легенд и характеристиками тех или иных персонажей. Устрялов держал в руках книгу, а не рукопись, и, возможно, его ввел в заблуждение характер издания, где каждая глава снабжена аннотацией, подробно рассказывающей, что ждет читателя. При этом даются приблизительные хронологические рамки происходящего.

Но записки были изданы четверть века спустя после смерти Брюса его вдовой. Кто оформлял рукопись для печати, нам неизвестно. Мы можем апеллировать только к самому тексту.

Многие события в тексте датированы. Точно или ошибочно, в данном случае не играет роли. Но это не систематическая датировка

дневника, а даты, разбросанные по большому и разнообразному событийному пространству.

Книга (глава) третья начинается с сообщения о женитьбе царевича Алексея Петровича. На полутора страницах уместаются события нескольких месяцев. Ничего похожего на «журнал», в котором происходит записано «день за днем», как утверждает Устрялов, нет и в помине. А вот для записок мемуарного типа это характерно.

При этом очевидно, что с развитием повествования хронологическая структура становится определенной и подробней. Вероятно, с течением времени Брюс начал вести какие-то, возможно, отрывочные записи. И чем дальше, тем тщательнее. Эти записи явно не превращались в дневник, но впоследствии дали ему возможность опираться при сочинении записок не только на свою память, но и на некие временные вехи.

В классическом исследовании, посвященном многообразному миру мемуаров, Л.Я. Гинзбург писала: «Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и “мыслей” ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора. Промежуточным жанрам, ускользавшим от канонов и правил, издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю. Острая их диалектика — в сочетании этой свободы выражения с несвободой вымысла, ограниченного действительно бывшим. <...> Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа»²⁸.

Записки Брюса с уверенностью можно отнести к «промежуточному жанру», той самой автобиографии, которую порой трудно отличить от автобиографической повести. Особенностью жанра объясняется наличие вставных историй развлекательного характера — приключения невинных девиц, неверных мужей и т.д.

Мы не знаем точно, когда Брюс начал писать свои записки. Последние страницы рассказывают о событиях осени 1745 г. Скорее всего, именно 12 лет после отставки 53-летний эсквайр с «разрушенным здоровьем», как он сам пишет, «наслаждался деревенской жизнью» и сочинял свое повествование, которое перевел с немецкого на английский в 1755 г.

²⁸ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977. С. 133.

В отличие от большинства известных нам записок и дневников, оставленных иностранцами, побывавшими в Петровскую эпоху в России, — английского дипломата Чарлза Уитворта, датского посланника Юста Юля, уже упоминаемого Вебера и других, не претендующих на автобиографическое значение своих текстов, — у записок Брюса другие задачи. Тут автор является центральной фигурой своего сочинения.

Таким образом, мы имеем своеобразный вариант свободной автобиографии, совмещенной с обширными наблюдениями над теми жизненными пространствами, в которые судьба приводила героя. Есть основания предположить, что главным стимулом Брюса при сочинении записок было самоутверждение безусловно незаурядного и знающего себе цену человека, потерпевшего в конечном счете жизненную неудачу.

Образованный военный профессионал, близкий родственник двух влиятельных и близких к царю персон — Якова и Романа Брюсов (причем второй был многолетним обер-комендантом Петербурга, что свидетельствовало о полном доверии, а первый был уважаем царем не только за преданность, но и за высокие личные качества — острый ум и образованность), как вступил в русскую службу капитаном, так и покинул Россию через тринадцать лет с тем же чином. Это вызывает естественное недоумение. Как ни странно, это могло быть вызвано особым положением капитана Брюса — флигель-адъютанта при значительных военачальниках. Он не занимал до 1720 г. строевых должностей, требующих повышения в чине. И только после смерти генерала Адама Вейде, возглавлявшего Военную коллегию, Брюс, как он сообщает в своей «сказке», был зачислен тем же чином в Астраханский пехотный полк.

Был момент, когда после возвращения из Персидского похода у Брюса появилась карьерная перспектива: «Мне посчастливилось вызвать расположение принца, и он спросил, не хочу ли я поступить к нему на службу. Я отвечал, что приму такую честь с огромным удовольствием, если мне удастся получить отставку от службы при императоре. Его высочество сказал, что поговорит об этом с князем Меншиковым, и на следующий же день так и поступил. Князь передал ему, что, раз уж герцог того желает, его величество даст такое разрешение, хотя он намеревался отправить меня в экспедицию к Каспийскому морю, чтобы укрепить и обезопасить гавань в устье реки Дарьи. Сие сообщение положило конец моим надеждам. И последовавшее разочарование заставило меня принять решение любой ценою освободиться от состояния

рабства, из которого никто, состоявший на этой службе, не мог освободиться с честью» (с. 305–306).

До этого Брюс уже получал предложение перейти в армию Пруссии и рассчитывал получить там командование полком.

Судя по всему, Петр оценил работу Брюса по изучению Каспия и видел в нем одного из реализаторов «Каспийского проекта».

В начале марта 1724 г. Брюс подал прошение в Военную коллегию. Он вспоминал: «[Я в этом прошении] описал свою службу в русской армии на протяжении тринадцати лет, сообщил, что состояние моих частных дел в Шотландии, где я не был уже двадцать лет, ныне требует моего личного присутствия для их устройства, и в связи с этим просил отставку. Князь Меншиков и другие генералы, судя по всему, удивились моей просьбе, сказав, что его величество выразил свое расположение намерением дать мне один из полков, находившихся тогда под командованием генерала Ветерани в городе Святой Крест на реке Сулак. Из чего мне стало совершенно ясно, что меня снова хотят отправить на Каспий, к реке Дарье, где я буду влачить жалкое существование среди узбекских татар» (с. 307).

Тут присутствует некоторая путаница. Предполагалось, что устье Аму-Дарьи, впадавшей на деле в Аральское море, находится на восточном берегу Каспия, а крепость Святого Креста возведена была во время Персидского похода на западном берегу — побережье Дагестана. Но для Брюса в тот момент это не имело значения. Ему назначение командиром полка с соответствующим повышением в чине, притом что полк дислоцировался на Каспии, казалось ссылкой. Между тем надо понимать, что после того, как Петр завершил свои дела на западе и понял бесперспективность турецкого направления после Прутского похода, он сосредоточил свое внимание на юго-востоке, на обоих берегах Каспия, с которых, по его представлениям, открывалась дорога к северным границам Индии. На Каспий был направлен делающий карьеру Артемий Волинский. На Каспии служили молодые перспективные офицеры, как, например, поручик флота Травин, обучавшийся морскому делу в Англии и обследовавший, как и Брюс, каспийские берега.

Таковы были представления Петра и его окружения. Но Брюс, недавно вернувшийся оттуда, знал помимо прочего о страшной смертности в гарнизоне Святого Креста. Принести себя в жертву грандиозным замыслам императора он не был намерен.